
А. С. СЕМЧЕНКОВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье представлен анализ различных аспектов обеспечения социально-политической стабильности, содержащихся в документах стратегического планирования в области национальной безопасности России. В них уделяется серьезное внимание вопросам предупреждения, выявления и пресечения действий экстремистских, сепаратистских и террористических структур, массовых беспорядков, повышения устойчивости государства к деструктивному информационному воздействию и военному ослаблению. Однако вопросы противодействия политической дестабилизации рассматриваются в разных доктринальных документах и изолированно друг от друга, без взаимной увязки в рамках единой стратегии или концепции.

Ключевые слова: социально-политическая стабильность, дестабилизация, документ, стратегия, национальная безопасность.

The article presents an analysis of different aspects of security of social and political stability as reflected in the documents of strategic planning of Russia's national security. In the documents the main attention focuses on the prevention, detection and suppression of acts of extremist, separatist and terrorist organizations, riots, state's increasing sustainability to the destructive impact of the information influence and military weakening. However, the issues of counteracting the political destabilization are considered separately from each other, without integrating them in a single strategy or conception.

Keywords: social political stability, destabilization, document, strategy, national security.

Социально-политическая стабильность обычно трактуется как состояние политической системы общества, при котором сохраняется ее качественная определенность в виде устойчивости режима

и формы правления, защищенности конституционного строя государства, сохранения гражданского мира и согласия в стране. Социально-политическая стабильность является производной влияния на политическую систему общества многих факторов: доверия граждан власти, консенсуса элит по поводу направлений развития страны, поступательного экономического роста, социального благополучия, типа политической культуры, сильного государства, конструктивных межнациональных и межконфессиональных отношений и т. п. В свою очередь, сама социально-политическая стабильность служит важным базовым условием для успешной модернизации, устойчивого социально-экономического и культурного развития государства и общества.

В доктринальных документах многих стран мира социально-политическая стабильность нередко определяется как один из приоритетов государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. И это вполне объяснимо, поскольку поддержание стабильности социально-политической системы является одним из оснований ее безопасности, способности адекватно отвечать на вызовы и угрозы своему существованию в настоящем и будущем.

«Цветные революции» 2000-х гг., государственные перевороты и гражданские войны «арабской весны», среди которых стоит особо отметить конфликты в Ливии и Сирии, формирование и террористическая деятельность запрещенного в РФ «Исламского государства» (халифата), события на Украине 2013–2014 г., а также всплеск протестных выступлений в связи с выборами в нижнюю палату федерального парламента и Президента РФ в 2011–2012 гг., новая волна активизации исламистов в ряде регионов России – все эти процессы поставили в центр внимания общественности, научного сообщества, а также органов и сил обеспечения национальной безопасности проблему предотвращения политической дестабилизации обстановки внутри нашей страны. И надо сказать, что данная проблема, а также предполагаемые пути ее решения нашли свое отражение во многих доктринальных документах по обеспечению национальной безопасности России в целом и отдельных направлений государственной политики в этой области в частности.

Отличительная особенность современных процессов политической дестабилизации заключается в резонансном воздействии их субъектов (некоторых государств, сепаратистских, экстремистских (революционных), террористических сетей и отдельных неправительственных организаций) посредством передовых информационно-коммуникационных технологий на критически важные элементы социальных систем, с тем чтобы возникающие в них дисфункции переросли в политическую дестабилизацию. Подобное воздействие имеет ряд особенностей. Во-первых, субъектом дестабилизации выявляются «уязвимые сообщества» – группы населения, обладающие серьезным протестным потенциалом, те, чьи права и интересы так или иначе ограничивает власть. Такими сообществами могут быть, например, автовладельцы, этнические диаспоры, футбольные болельщики, националисты и т. п. Во-вторых, среди них ведутся поиск лидеров, подготовка актива, технической инфраструктуры в сети Интернет и формирование протестного движения. В-третьих, агентом дестабилизации используются социальные сети для мобилизации «уязвимых сообществ». В-четвертых, активистами протестных движений проводятся информационные кампании имущественного шантажа и гринмейла в отношении истеблишмента, опережающего обвинения в фальсификации итогов выборов в органы власти и на ответственные посты, искаженного освещения государственной политики и т. д. [подробнее об этом см.: Черемных и др. 2014: 90–91].

Процессы политической дестабилизации также характеризуются измерениями «гибридного» (то есть сочетающего силовые и ненасильственные действия) гражданского сопротивления, вооруженного и «инфраструктурного» противоборства, а также применением «поведенческих» технологий.

Многолетний опыт проведения антиправительственными движениями и организациями кампаний гражданского сопротивления в разных странах показал, что наиболее успешными в этой сфере политической активности оказывались смешанные стратегии. Они характеризовались проведением ненасильственных акций, сопровождавшихся либо угрозой применения силы против представителей власти, либо отдельными вооруженными действиями. В этой связи востребованной оказалась разработка теории и инструмента-

рия «гибридного» гражданского сопротивления, апробация которых, по-видимому, состоялась в ходе противостояния украинской власти и оппозиции в 2013–2014 гг. [подробнее об этом см.: Ларина, Овчинский 2014: 76–77].

Измерение вооруженного противоборства, силовое вмешательство во внутренние дела политически нестабильных государств, безусловно, присутствовало в рассматриваемых нами деструктивных процессах и прежде. Испытывающее социальную, экономическую и политическую неустойчивость государство одновременно может оказаться и объектом вооруженного нападения тех держав и их коалиций, которые поддерживают действия внутренних экстремистов и несистемной оппозиции. В этом случае вначале обеспечиваются международная изоляция и блокада, легитимация мировым сообществом применения военной силы против нестабильной страны. Затем нападающая сторона устанавливает господство на море и в воздушном пространстве над территорией нестабильного государства. Если последнее не располагает потенциалом сдерживания агрессии, то в результате военных действий утрачивает свой суверенитет.

Измерение «инфраструктурного» противоборства, борьбы с инфраструктурами (infrastructure warfare) в настоящее время связано не только с подготовкой и проведением военных, диверсионных и террористических акций в отношении объектов и сегментов критической государственной, транспортной, энергетической, банковской и иной инфраструктуры, но и с деструктивным кибернетическим воздействием на подобные системы. Следствием всеобщей компьютеризации и переноса управления критической инфраструктурой в глобальную сеть Интернет наряду с появлением информационного оружия стал переход межгосударственного противоборства в техносферу. Слабая защищенность автоматизированных систем управления объектами критической инфраструктуры создает предпосылки для нанесения неприемлемого ущерба уязвимым в этом отношении государствам без задействования военной силы [подробнее об этом см.: Шеремет 2014: 31]. Борьба с инфраструктурами посредством кибероружия становится анонимной и поэтому весьма удобной для дестабилизации государств.

Применение «поведенческих» технологий представляет собой, по существу, манипулирование индивидами путем их поощрения или наказания в той или иной форме при принятии ими важных для субъекта манипуляции решений. Одной из таких технологий, весьма перспективной как с точки зрения государственного управления, предвыборных кампаний, так и с позиций ее использования для политической дестабилизации является технология «подталкивания», или «надж» (*nudge*), разработанная К. Санстейном. Применение этой технологии опирается на анализ больших данных (*big data*, структурированная или неструктурированная информация о сетевой активности различных субъектов – от индивидов до корпораций и государств), собираемых в социальных сетях и вообще в сети Интернет об участниках «уязвимых» сообществ. Это позволяет сразу же максимально охватить всех реальных и потенциальных участников протестных и силовых акций против власти, поощрить их к принятию положительного решения о вступлении в ряды организаций несистемной оппозиции и экстремистов. В целом «поведенческие» технологии могут способствовать росту таких организаций и их поддержки теми или иными социальными группами [подробнее об этом см.: Ларина, Овчинский 2014: 89].

Формами политической дестабилизации являются: «цветные революции»; «инфраструктурное» противоборство; иррегулярные (партизанско- и диверсионно-террористические) войны; регулярные войны, опирающиеся на концепции сетевого противоборства, «стратегического паралича» Дж. Уордена, «операций базовых эффектов» и «предрешения» конфликта Э. Смита.

Данные особенности угроз политической дестабилизации во многом определяют также специфику путей и механизмов противодействия им в рамках системы обеспечения национальной безопасности той или иной страны. Обеспечение социально-политической стабильности является комплексом мер и действий, реализуемых государством и негосударственными участниками обеспечения национальной безопасности для сохранения духовных основ общества, предупреждения, нейтрализации и пресечения действий сетевых экстремистских, сепаратистских и террористических структур, массовых беспорядков, вмешательства во внутренние дела страны. Формами системного противодействия современным

угрозам социально-политической стабильности служат меры по повышению устойчивости государства к деструктивному информационному воздействию, экономическому и военному ослаблению страны, обострению политических противоречий в обществе, а также нейтрализация влияния дестабилизирующих технологий. Важнейшее значение для повышения устойчивости страны к современным угрозам социально-политической стабильности имеют защита и сохранение духовных, идейно-ценностных, культурных, образовательных и социально-экономических основ государства и общества. Фактически данные основы выступают главными гарантиями национальной безопасности страны, и государство, отказывающееся от своей ответственности и обязательств перед гражданами в этих сферах, подрывает социально-политическую стабильность на наиболее глубоком уровне.

Вопросы сохранения социально-политической стабильности так или иначе рассматриваются в ряде документов государственного стратегического планирования, регламентирующих деятельность по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации. В Стратегии национальной безопасности и Стратегии противодействия экстремизму поддержание социально-политической стабильности представлено в качестве одного из приоритетов обеспечения государственной и общественной безопасности нашей страны и мыслится вполне традиционно – в рамках политики противодействия экстремизму и терроризму, сохранения гражданского, межнационального и межконфессионального мира. В то же время в других анализируемых документах вопросы социально-политической стабильности зачастую затрагиваются лишь косвенно, без их детальной проработки.

В нынешней **Стратегии национальной безопасности РФ**, уделяющей вопросам стабильности больше внимания, чем предыдущая редакция этого документа, справедливо констатируется все более широкое распространение практики свержения легитимных политических режимов, а также провоцирование внутригосударственных конфликтов и нестабильности. Отмечаются угрозы нарушения функционирования объектов критической инфраструктуры, деятельности радикальных, иностранных и международных неправительственных, финансовых и экономических организаций,

а также частных лиц по нарушению единства и территориальной целостности, дестабилизации социально-политической ситуации в нашей стране, в том числе путем инспирации «цветных революций», разрушения традиционных духовно-нравственных ценностей. Очаги вооруженных конфликтов стали источниками терроризма, экстремизма, этнической и религиозной вражды. Усиление глобального информационного противоборства определяется стремлением отдельных государств использовать информационно-коммуникационные технологии для решения своих геополитических задач, в том числе за счет манипуляции общественным сознанием и фальсификации истории. Нейтрализация данных угроз, согласно Стратегии, предполагает: развитие системы выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и деструктивной деятельности иностранных спецслужб и организаций, терактов, различных форм экстремизма, преступных посягательств на конституционный строй, права и свободы человека и гражданина. Также предлагается создание механизмов купирования социальных и межнациональных конфликтов, противодействия участию граждан РФ в преступной и террористической активности за рубежом; совершенствование системы выявления, анализа и противодействия угрозам в информационной сфере [см.: Стратегия... 2015].

Новацией документа стало определение содержания традиционных духовно-нравственных ценностей России как основ общероссийской идентичности народов нашей страны. К этим ценностям в Стратегии отнесены: приоритет духовного над материальным; семья; созидательный труд; служение Отечеству; гуманизм; милосердие; справедливость; взаимопомощь; коллективизм; историческое единство народов и преемственность истории России и др. [Там же].

В Стратегии рассмотрены тесно связанные с политической дестабилизацией угрозы в духовной сфере, то есть размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа России путем внешней культурной экспансии, пропаганды вседозволенности и нетерпимости, попыток фальсификации отечественной и мировой истории. Для нейтрализации этих угроз реализуется политика по укреплению традиционных ценностей, обеспечению терпимости, развитию

культурных связей [см.: Стратегия... 2015]. Вместе с тем предлагаемые в Стратегии меры по противодействию и укреплению безопасности РФ в духовной сфере относятся преимущественно к правовой, организационной и финансовой областям, а не к информационным кампаниям.

Раскрытию основных направлений недопущения политической дестабилизации обстановки в нашей стране посвящена **Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.** В ней прямо заявлено, что одним из источников угроз национальной безопасности является экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и целостности страны, дестабилизацию в ней внутривнутриполитической и социальной обстановки. Противодействие экстремизму определяется как деятельность органов власти, общественных организаций и граждан, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма. В Стратегии вполне справедливо отмечаются тенденции и особенности современной экстремистской активности: ее интернационализация и даже глобализация; спонсирование иностранными государствами и организациями для решения геополитических задач и передела сфер экономического влияния; сопровождение роста экстремизма процессом фальсификации истории и возрождением идей фашизма и нацизма; резонансный характер преступлений на почве экстремизма; широкое использование информационно-телекоммуникационных систем для вербовки, связи между членами экстремистских организаций и пропаганды их идей. Нельзя не согласиться и с тем, что основным способом дестабилизации социально-политической обстановки в России становится привлечение различных групп населения к участию в протестных акциях, в том числе несогласованных, которые впоследствии умышленно трансформируются в массовые беспорядки. Не вызывает возражений и констатация фактов проникновения в Россию исламистских групп, приобретающих здесь новых сторонников и пытающихся создать на нашей территории экстремистские

и террористические формирования, базы подготовки боевиков. Адекватно оценивается и роль миграционного фактора в нарушении регионального этноконфессионального баланса в нашей стране, стремление экстремистов разного толка вовлекать в свою деятельность молодежь. Наконец, в Стратегии верно отмечается, что дополнительную угрозу стабильности российского общества представляет деятельность отдельных иностранных неправительственных организаций, ряда общественных и религиозных объединений и их структурных подразделений, связанная с распространением экстремистской идеологии.

Целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Стратегии провозглашается защита основ конституционного строя РФ, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз. Основными задачами государственной политики в области противодействия экстремизму выступают: создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму; совершенствование российского законодательства и правоприменительной практики; консолидация усилий федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций в целях противодействия проявлениям экстремизма; организация в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, информационного сопровождения деятельности органов государственной и местной власти, институтов гражданского общества и организаций по противодействию экстремизму, а также реализация эффективных мер информационного противодействия распространению идеологии экстремизма; разработка и осуществление комплекса мер по повышению эффективности профилактики, выявления и пресечения правонарушений и преступлений экстремистской направленности [см.: Стратегия... 2014]. В перечень задач противодействия экстремизму не вошли собственно задачи, связанные с борьбой с подобными угрозами. Но это вполне понятно, поскольку такая борьба предполагается прежде всего с насильственным экстремизмом, то есть террористической деятельностью.

В уточненном тексте **Военной доктрины РФ**, утвержденной 25 декабря 2014 г. указом главы государства, вопросы социально-политической стабильности приобретают уже новое звучание и освещены по ряду параметров существенно подробнее, чем в рассмотренных выше документах. Ранее это не было характерно для документов по планированию в области обеспечения военной безопасности России. Факторами дестабилизации политической и социальной обстановки в стране, согласно тексту доктрины, служат не только межгосударственные и внутренние военные конфликты, но и тесно связанные с ними неконституционные формы смены власти в государствах.

Так, например, к внешним военным опасностям отнесены: дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности; растущая угроза глобального экстремизма (терроризма) в его новых формах; наличие прежних и появление новых очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в приграничных районах соседних стран; использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях против суверенитета, независимости и целостности страны; подрывная деятельность иностранных специальных служб и организаций.

К внутренним военным опасностям для России причислены: деятельность по насильственному изменению конституционного строя, дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизации функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры; деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности РФ; деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью размывание исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды.

Среди характерных черт и особенностей современных военных конфликтов отмечается комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций, а также задействование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений. В число мер сдерживания и предотвращения конфликтов, в частности, входит нейтрализация возможных военных опасностей и угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами; создание условий снижения риска использования информационно-коммуникационных технологий для осуществления действий против суверенитета, территориальной целостности государств, международного мира, глобальной и региональной стабильности [см.: Военная доктрина...]. Тем самым очевидно, что в тексте доктрины современные угрозы социально-политической стабильности были перенесены из области государственной и общественной безопасности в число военных угроз для национальной обороны РФ. Вполне закономерно, что побудительной причиной к этому переносу стали как события революций «арабской весны», переросшие в гражданские войны и межгосударственные конфликты, так и украинские политические процессы последних лет.

Вместе с тем в разделе Военной доктрины о путях сдерживания и предотвращения военных конфликтов оказались обойдены стороной внутренние предпосылки возможной политической дестабилизации в России. Отсутствует необходимый тезис о том, что успех действий повстанцев, экстремистских и террористических сил в современных военных конфликтах определяется не только передовым уровнем информационно-коммуникационных технологий, оказанием комплексной поддержки со стороны иностранных государств, их специальных служб и организаций, но и состоянием социально-экономических, политических, межэтнических, межконфессиональных и иных общественных отношений в стране. Авторы доктрины в общем правомерно ограничились перечислением мер политического, военного, технического и правового характера по сдерживанию и предотвращению современных военных конфликтов, отражению агрессии. Однако без указания на необходимость

дополнения этих мер мероприятиями социально ориентированной экономической, демографической, культурной, образовательной политики представленная система действий по обеспечению военной безопасности (в расширенном понимании этой категории, фактически содержащемся в Военной доктрине) выглядит неполной, особенно с учетом возможного использования противостоящими государствами и их коалициями разнообразных «окон уязвимости» нашей страны. Наличие этих «окон» показали введенные против Российской Федерации, ее государственных, политических, общественных деятелей и крупных предпринимателей санкции, довольно чувствительно ударившие по национальной экономике.

В Доктрине информационной безопасности к числу угроз, связанных с политической дестабилизацией и разрушением «культурного ядра» РФ, отнесены некоторые угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России. К их числу, в частности, относятся: девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, духовных и нравственных ценностях, противоречащих тем, которые приняты в российском обществе [см.: Доктрина... 2000].

В Доктрине указывается на рост угроз информационной безопасности РФ во внутривнутриполитической сфере. Среди них непосредственно к политической дестабилизации ведут: распространение дезинформации о политике и деятельности государственных органов Российской Федерации, внутренней российской и международной обстановке; деятельность общественных структур по подрыву основ конституционного строя и целостности РФ, разжиганию вражды между этническими и религиозными группами, распространению ксенофобии в массмедиа [Там же].

Согласно Доктрине информационной безопасности, основные мероприятия в области обеспечения информационной безопасности РФ в сфере внутренней политики направлены на: противодействие монополизации зарубежными и отечественными организациями различных составляющих информационной инфраструктуры

страны; ведение контрпропаганды против недостоверной информации о внутренней политике России [см.: Доктрина... 2000].

В контексте защиты «культурного ядра» обращают на себя внимание следующие упомянутые в Доктрине современные угрозы информационной безопасности России в духовной сфере: деформация системы массового информирования; ухудшение состояния объектов культурного наследия; возможность социальной дестабилизации из-за роста активности сект и фундаменталистских структур; использование иностранными спецслужбами массмедиа в ущерб РФ; неспособность современного гражданского общества России поддерживать идеи патриотизма и высокой гражданственности, в том числе у молодежи [Там же].

В Доктрине информационной безопасности РФ справедливо указаны угрозы разрушения «культурного ядра» нашей страны. Однако представляется, что основной акцент в Доктрине сделан на деструктивных процессах в информационном пространстве России и путях защиты от них, а не на духовно-ценностной сфере. Уделяя значительное внимание информационно-техническому противоборству и его различным сторонам, авторы текста Доктрины отводят мало внимания защите культурной, духовной сферы, исторической памяти российской нации и народов, в нее входящих. Защита «культурного ядра», как показывает отечественная история, является осевым элементом всего комплекса мероприятий безопасности по предотвращению угроз в информационно-психологической сфере, и поэтому содержание Доктрины необходимо расширить. В частности, стоило бы включить в текст документа угрозы, вытекающие из отсутствия интегративной идеологии, способной на базе общих политических ценностей объединить российских граждан.

В Доктрине указаны актуальные угрозы информационной безопасности России во внутривнутриполитической и духовной сферах, но не отмечена тесная взаимосвязь между деструктивными процессами в них. Защита от угроз «культурному ядру» российского государства и общества сводится к организационным и правовым методам, практически не раскрывается суть мероприятий по линии информационной политики РФ. Однако это представляется недостаточным с учетом сложности решения проблемы защиты «культурного ядра» России.

Важное место среди документов, регламентирующих обеспечение информационной безопасности, занимает и **Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации**, освещающая отдельные стороны современного «инфраструктурного» противоборства. Одной из основных задач данной Стратегии является противодействие использованию потенциала информационных и телекоммуникационных технологий как угрозы национальным интересам России. Решение данной задачи подразумевает: обеспечение безопасности функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры страны и ключевых объектов РФ, корпоративных и индивидуальных информационных систем; создание единой системы информационно-телекоммуникационного обеспечения нужд государственного управления, обороны и безопасности; обеспечение неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, соблюдение требований по обеспечению безопасности информации ограниченного доступа; противодействие распространению идеологии терроризма и экстремизма, и др. [см.: Стратегия... 2008].

«Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации» – один из немногих доктринальных документов, затрагивающих важные аспекты современной борьбы с инфраструктурами. В данном случае речь идет о защите автоматизированных систем управления объектами и сегментами техносферы нашей страны от негативного кибернетического воздействия. В «Основных направлениях...» развиваются положения Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. и Доктрины информационной безопасности, касающиеся совершенствования защищенности функционирования информационных и телекоммуникационных систем критически важных объектов инфраструктуры и объектов повышенной опасности в России.

В «Основных направлениях...» вопросы обеспечения политической стабильности прямо никоим образом не затрагиваются, внимание преимущественно уделено снижению до минимально возможного уровня рисков неконтролируемого вмешательства в

процессы функционирования данных автоматизированных систем, а также минимизации негативных последствий подобного вмешательства. Тем не менее в «Основных направлениях...» отмечается ряд негативных, тяжелых последствий нарушения или вмешательства в процессы управления функционированием элементов и объектов критической инфраструктуры нашей страны. Это причинение вреда внешнеполитическим интересам Российской Федерации, возможность аварий и катастроф, массовых беспорядков, длительных остановок транспорта, производственных или технологических процессов, дезорганизации работы учреждений, предприятий или организаций, нанесения материального ущерба в крупном размере, смерти или нанесения тяжкого вреда здоровью хотя бы одного человека и (или) иных тяжелых последствий. Очевидно, что так или иначе все эти тяжкие последствия могут вызвать или сопровождать процессы политической дестабилизации обстановки в стране. Поэтому меры и действия по обеспечению информационной безопасности автоматизированных систем управления критически важными объектами вполне, на наш взгляд, можно отнести и к числу мероприятий противодействия политической дестабилизации.

Среди важнейших задач обеспечения безопасности автоматизированных систем управления критической инфраструктурой России можно выделить: развитие механизмов государственного управления и контроля, а также усиление координации в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры; создание единой государственной системы обнаружения и предупреждения компьютерных атак на критическую информационную инфраструктуру и оценки защищенности ее элементов; поддержание устойчивости функционирования национального сегмента единой мировой информационно-телекоммуникационной сети в условиях массивного деструктивного информационного воздействия с территорий вне юрисдикции Российской Федерации; создание и поддержание в постоянной готовности сил и средств ликвидации последствий компьютерных инцидентов в критической информационной инфраструктуре и др. [см.: Основные... 2012].

В «**Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года**» рассматриваются направления защиты

глобального информационного пространства, прав личности, общества и государства в информационной сфере, а также противодействия деструктивному воздействию на элементы национальной критической информационной инфраструктуры. В качестве угроз международной информационной безопасности в «Основах...» определено использование информационно-коммуникационных технологий как информационного оружия для осуществления враждебных действий и актов агрессии против суверенитета, целостности государств, международного мира и стратегической стабильности; в террористических целях (в том числе для деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры и пропаганды терроризма); для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания вражды, пропаганды идей и теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию и др. Тем самым в основном под угрозами международной информационной безопасности понимается применение государствами, специальными службами и организациями информационно-коммуникационных технологий для дестабилизации социально-политической обстановки в странах-оппонентах.

Парирование и нейтрализация данных угроз предполагают решение следующих задач: формирование системы международной информационной безопасности на двустороннем, многостороннем, региональном и глобальном уровнях; создание условий снижения риска использования информационно-коммуникационных технологий для осуществления враждебных действий и актов агрессии, террористической и экстремистской деятельности, обеспечения технологического суверенитета государств в рассматриваемой области и преодоления информационного неравенства между развитыми и развивающимися странами [см.: Основы... 2013]. Ряд мер по обеспечению международной информационной безопасности, предлагаемых в «Основах...», уже реализуется Россией совместно с государствами – участниками ОДКБ. Основная же проблема интернационализации управления глобальными информационными сетями, через которые и реализуются угрозы международной информационной безопасности, остается пока нерешенной.

Анализ содержания доктринальных документов, регламентирующих обеспечение национальной безопасности и отдельных ее направлений, показывает, что в них в целом учтены современные вызовы политической дестабилизации и тенденции в области противодействия им. В документах дается адекватная оценка деструктивного потенциала современных информационно-коммуникационных технологий при их использовании для решения военно-политических задач и подрыва суверенитета, единства и целостности дестабилизируемых государств. Справедливо указаны субъекты данной дестабилизации – как некоторые государства, стремящиеся таким образом реализовать свои геополитические цели, экстремистские и террористические структуры национального и международного масштаба, так и отдельные неправительственные организации, ведущие деструктивную политическую деятельность. Руководство страны, все звенья системы обеспечения национальной безопасности РФ осознают и необходимость защиты «культурного ядра», духовных и нравственных основ общества от информационно-психологических угроз. В концепциях и стратегиях безопасности серьезное внимание уделяется предупреждению, выявлению и пресечению действий экстремистских, сепаратистских и террористических структур, массовых беспорядков, вмешательства во внутренние дела РФ. Также отражены некоторые аспекты повышения устойчивости государства к деструктивному информационному воздействию (защита автоматизированных систем управления критической информационной инфраструктурой страны) и военному ослаблению (предотвращение, сдерживание войн и военных конфликтов, вопросы мобилизационной готовности в Военной доктрине).

Вместе с тем в документах стратегического планирования в области национальной безопасности РФ не учтена возможность использования несистемной оппозицией и экстремистами методов «гибридного» гражданского сопротивления. Практически не отражен деструктивный для сохранения политической стабильности потенциал поведенческих технологий, использование которых опирается на анализ больших данных и позволяет манипулировать общественным сознанием еще эффективнее, чем в ходе ранее прошедших «цветных революций».

В доктринальных документах отсутствует положение о важности повышения социально-экономической устойчивости Российского государства и общества к дестабилизирующему воздействию внутреннего, отнюдь не преодоленного экономического кризиса и внешнему негативному влиянию иностранных держав – участниц глобальной конкуренции.

В документах обращается внимание на проблему патриотического воспитания молодежи, ее активного участия в различных акциях политической дестабилизации обстановки в стране. Тем не менее решение этой проблемы в условиях развития современных информационно-коммуникационных технологий и их неоднозначного по своим последствиям воздействия на подрастающее поколение превращается в весьма непростую задачу образовательной политики и воспитательной работы.

Вне внимания авторов и разработчиков исследуемых документов остался такой аспект обеспечения политической стабильности, как противодействие технологиям дестабилизации обстановки внутри России. Однако этот аспект затрагивает уже область политического управления, которая лишь пересекается со сферой обеспечения национальной безопасности как направлением государственной политики, не совпадая с ней полностью.

Кроме того, анализ показывает, что противодействие политической дестабилизации предстает как комплексная многомерная задача политики обеспечения национальной безопасности России и включает в себя ряд мероприятий в различных областях: государственной и общественной безопасности; профилактики, предупреждения, выявления и ликвидации экстремизма; пограничной, миграционной и национальной политики; национальной обороны; информационной безопасности и др. Но, несмотря на это, вопросы противодействия политической дестабилизации рассматриваются в разных доктринальных документах и изолированно друг от друга, без взаимной увязки в рамках единой стратегии или концепции.

Литература

Военная доктрина Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата доступа: 26.12.2014).

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации / Утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 9 сентября 2000 г., № Пр-1895 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата доступа: 15.10.2011).

Ларина Е. С., Овчинский В. С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014.

Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации / Утв. Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 3 февраля 2012 г., № 803 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/113.html> (дата доступа: 15.10.2014).

Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности на период до 2020 года / Утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 24 июля 2013 г., № Пр-1753 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата доступа: 15.10.2014).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации / Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. 2015. 31 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. / Утв. Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата доступа: 15.12.2014).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации / Утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 7 февраля 2008 г., № Пр-212 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/90.html> (дата доступа: 15.10.2014).

Черемных К. А., Восканян М. В., Кобяков А. Б. Анонимная война. М.: Алгоритм, 2014.

Шеремет И. А. 2014. Угрозы техносфере России и противодействие им в современных условиях // Вестник Академии военных наук. 2014. № 1. С. 27–34.